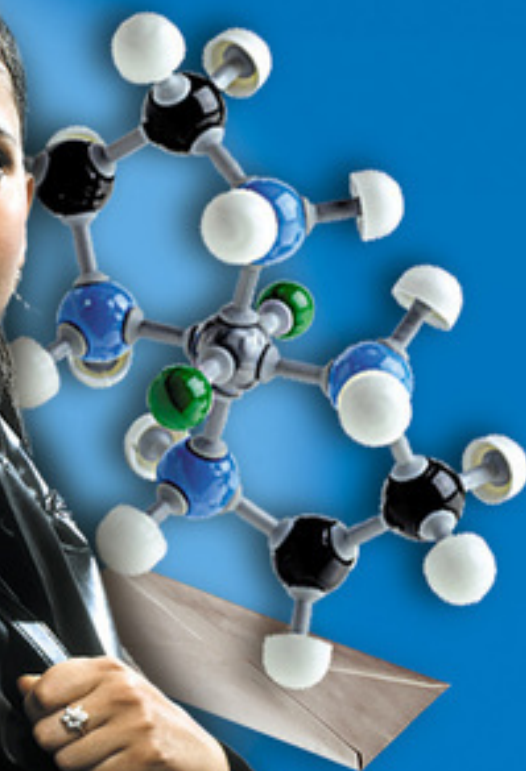

Светлана
АЛЕШИНА

Наследница ВСЕХ КАПИТАЛОВ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Наследница всех капиталов

«Научная книга»

2004

Алешина С.

Наследница всех капиталов / С. Алешина — «Научная книга»,
2004 — (Папарацци)

У главного редактора газеты «Свидетель» Ольги Бойковой и ее сотрудников новое дело – с просьбой о журналистском расследовании к ним обратилась пожилая женщина, утверждающая, что ее дочь Викторию убил бывший муж. Милиции не удалось ничего доказать, виновные в смерти Виктории не найдены. Неужели преступление совершено только ради наследства: квартиры и небольшой суммы денег? Естественно, журналисты не могут пройти мимо такого факта, тем более что козырем в чьей-то хитрой игре становится шестилетняя Соня – дочь убитой. Бойкие папарацци берутся за это дело и сразу же узнают: а наследство-то Сонечки огромно! Вслед за этой ниточкой потянулись и другие.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Светлана Алешина

Наследница всех капиталов

Глава 1

– Ого! Что это на тебя нашло? – буквально опешив от представшей моему взору картины, произнесла я, как только открыла дверь в свою редакцию и увидела, что в ней творится.

Маринка, моя секретарша и лучшая подруга, носилась по редакции с тряпкой и ведром и наводила порядок. На все столы она расставила вазы с цветами, шторы широко распахнула, так что теперь утреннее солнышко наполнило своим светом все помещение и заиграло бликами на различных предметах. Брошенные вчера вечером на столах бумаги Маринка собрала в аккуратные стопки и разложила по полкам. Одним словом, нашу редакцию просто невозможно было узнать.

– Ты случайно не заболела ли? – подозрительно посмотрев на Широкову, спросила я. – Как это ты додумалась до того, чтобы навести здесь порядок, да еще и заняться этой работой сама?

– А что тут такого невероятного? Я что, не могу взяться за ум и изменить стиль своей жизни? – удивленно посмотрев на меня, вопросами отреагировала Широкова на мои вопросы.

– Оказывается, можешь, – развела руками я. – Но с какой стати тебе это вдруг вообще понадобилось?

– Да так... – попыталась улизнуть от ответа Маринка и, с еще большим рвением начав тереть зеркало, добавила: – Просто поняла, что достигла того возраста, когда нужно наконец задуматься о своем будущем. Не вечно же мне строить из себя глупышку-хохотушку, какой я была раньше.

– Что значит «строить»? – поняв, что с Широковой все же что-то произошло, раз она так себя ведет, начала допытываться я. – Ты никогда никого из себя не строила, а была такой, какая есть, естественной и неповторимой. Ты же именно потому всем и нравишься, что всегда весела и беззаботна. Будь ты другой, не была бы ты нашей любимой Широковой.

– Что ж, а теперь я буду другой, – не глядя на меня, со вздохом, словно бы сожалея, произнесла Маринка и продолжила натирать блестящую поверхность зеркала. – Так что придется вам привыкать ко мне новой.

– А ты уверена, что перемена так уж необходима? – бросив свою сумку на стол, спросила я у Маринки, все еще надеясь, что она шутит и просто разыгрывает меня. – Не проще ли оставить все, как было раньше?

– В моем возрасте, – с обреченным выражением на лице начала Маринка, – уже смешно вести себя необдуманно и по-детски, как я делала раньше. Но теперь-то этого уже не будет. Марина Широкова станет совершенно другим, более взрослым и умным человеком. Она полностью изменится и исправится.

– Ничего себе день начинается... А еще говорят, что утро вечера мудренее, – попросту не зная, что еще можно сказать на новую идею Маринки, тихо вздохнула я. Чего-чего, а подобного от Широковой я никак не ожидала. – Вчера за тобой такой «мудрости» не наблюдалось.

Маринка ничего не ответила, сделав вид, что не слышала моих слов, и от зеркала перешла к полкам на стене возле компьютера Сергея Ивановича Кряжмского, затем к своему рабочему месту. Я застыла в недоумении.

Еще несколько минут понаблюдав за тем, как Маринка наводит блеск на своем столе, я решила, что это настроение у нее временное, уже через полчаса все пройдет, от мыслей, будто она должна стать «взрослым и умным человеком», и следа не останется, и Широкова опять

будет такой же беззаботной и веселой, какой была всегда. А потому я вновь взяла свою сумку в руки и спокойно направилась в личный рабочий кабинет. Там я открыла жалюзи, распахнула окно и глубоко вдохнула в себя воздух, понимая, что пора браться за работу.

А работы у меня, главного редактора газеты «Свидетель» Ольги Юрьевны Бойковой, всегда много. Ведь надо и статьи для нового номера подобрать, и фотографии к ним сделать, и умело разместить все материалы на шести имеющихся в нашей газете полосах (или страницах, как их называют читатели). А помощи ни от кого не дождешься, несмотря на то, что в нашей редакции задействовано целых четыре сотрудника, исключая меня.

Да и от кого, собственно, ее ждать, помощи-то? Молчаливый фотограф Виктор писать ничего не станет, так как вообще предпочитает общаться языком жестов и взглядов, что для него куда понятнее. Ромке и вовсе написание статей доверить нельзя, учитывая, что мальчишке не так давно исполнилось всего восемнадцать лет и у нас он числится на роли курьера, в чьи обязанности входит что-то принести да куда-то сбежать. Маринка занимает секретарскую должность, а потому не обязана торчать за компьютером и что-то там печатать. Максимум, что от нее требуется, так это быть всегда в редакции, встречать посетителей, отвечать на телефонные звонки и иногда варить всем кофе.

Кроме этой тройки, есть еще Кряжимский, старейшина нашего отдела и очень умный человек. Только он помогает мне справляться с работой и облегчает мне жизнь. Но все перекладывать на его плечи я не могу, а потому тяжелое бремя по написанию статей мы делим с ним пополам.

Вот так и течет наша спокойная и размеренная жизнь, но только до тех пор, пока к нам не приходит человек, которому нужна помощь. Если кто не знает, сообщу – название нашей газеты было выбрано совсем не случайно, и «Свидетелем» она зовется лишь потому, что вся информация в ней лично проверена и увидена работниками редакции. Может, это, конечно, и глупо, что мы то и дело рискуем собственными жизнями, принимаясь за то или иное расследование, но иначе мы не привыкли и просто не мыслим себе своего существования. Приключения для нас – это именно то, что делает нашу жизнь полной и активной и что не позволяет нам погрязнуть в рутине быта.

Еще раз вздохнув, я вернулась к столу и, разместившись в своем любимом рабочем кресле, включила компьютер. Пока он загружался, я прислушалась к шумам, доносящимся из соседнего кабинета, и поняла, что вся редакционная команда уже в сборе, потому и скрипит так мебель и шуршит бумага. Выходить и здороваться со всеми я не стала, решив, что еще успею это сделать, а потому начала заниматься своими делами, то есть читать то, что написала вчера. Но тут в соседней комнате заиграло радио, которое курьер Ромка приволок вчера, чтобы не было скучно. Решив, что радио поет слишком уж громко, я, не вставая из-за стола, крикнула:

– Роман, убавь, пожалуйста, свою шарманку. Люди работают.

Вечно не слышащий половину из того, что ему говорят, Ромка тут же заглянул ко мне и переспросил:

– Вы что-то хотели, Ольга Юрьевна?

– Да хотела, – осуждающе посмотрев на мальчика, ответила ему я. – Хотела, чтобы ты сделал музыку потише, потому что она мешает остальным работать. Надеюсь, это возможно?

– Разве мешает? – удивился моим словам Ромка. – А Маринке нравится. Да и Виктор тоже не против, – тут же добавил он.

– А Сергей Иванович? – напомнила я о своем помощнике Кряжимском, прекрасно зная, что сам он никогда не попросит убавить громкость музыки, даже если она будет сильно ему мешать. – Он тоже не против?

– А что Сергей Иванович? – не понял меня Ромка. – Он что-то там печатает и даже не смотрит на нас.

– Ему будет намного проще «что-то там печатать», если ты слегка приглушишь свой агрегат. К тому же и мне музыка мешает. Так что позаботься, пожалуйста, о том, чтобы голос твоего радиодиджея не улетал дальше чем на метр от того места, где ты сидишь.

– Ладно, – обреченно вздохнул Ромка и, захлопнув дверь, отправился выполнять мою просьбу.

Я же обратила свой взор к монитору компьютера и попыталась сосредоточиться на выбранной мной для написания статьи теме. Выходило это у меня сейчас на редкость плохо, причем я никак не могла понять, почему мысли упорно не желают превращаться в связанные между собой предложения. Все же я набросала несколько строк, да только, перечитав их, сразу же стерла, не удовлетворившись результатом. Что-то угнетало меня и отвлекало от работы, но что, я понять не могла.

Тут ко мне в кабинет кто-то постучал. Затем из-за двери показался взлохмаченный Сергей Иванович Кряжимский. Убедившись в том, что я на месте, старейшина нашего трудового коллектива прошел в мой кабинет и, неловко замявшись, стал искать слова для того, чтобы что-то мне сказать. Я поторопила его, спросив:

– Что-нибудь случилось, Сергей Иванович?

– Д-даже не знаю, – заикаясь, ответил мне Кряжимский. Затем нервно поправил сползшие на нос очки, после чего более решительно и спокойно произнес: – Мне кажется, что с нашей Мариночкой что-то происходит. Она как-то странно ведет себя с самого утра и... – Вы имеете в виду ту уборку, что она учинила? – перебив Сергея Ивановича, уточнила я. – Не обращайтесь внимания, это у нее очень скоро пройдет. К тому же уборка нам давно была необходима, и хорошо, что она сама, по своей инициативе ее сделала.

– Да нет, уборка – сущая мелочь, – посмотрев на меня, тяжело вздохнул Кряжимский. – Закончив ее, Мариночка сразу же села за свою печатную машинку и начала что-то печатать. Я сначала думал, что это вы ее о чем-то попросили, но, когда она принесла мне вот это, – только сейчас я заметила в одной руке Сергея Ивановича несколько листов бумаги, которые Кряжимский теперь положил передо мной, – я просто обомлел. Это... это не поддается никакому объяснению.

– А что там? – испуганно переспросила я и сразу же добавила: – Надеюсь, не заявление на увольнение?

– Слава богу, нет, – вновь принялся вздыхать Сергей Иванович. – Но это, представьте себе, статьи для двух последних пустых колонок. Я прочел их и... Вы не поверите, Ольга Юрьевна, но они просто великолепны! Никогда не думал, что Мариночка способна что-либо подобное написать. Действительно, получилось интересно, увлекательно и, главное, – в тему дня. Вот, прочтите сами.

Сергей Иванович вновь подвинул ко мне листы, а сам сел на свободное кресло, стоящее напротив моего стола. Я настороженно взглянула на бумагу и медленно начала читать. Это оказалась статья о недавнем нашем путешествии за город и о происшествии, случившемся там, но написана она была так живо и ярко, как, пожалуй, даже мне не удалось бы. Дочитав статью до конца, я удивленно посмотрела на Кряжимского и молча развела руками.

– Вот и я тоже удивился, – поняв, что я сейчас нахожусь в том же состоянии, что и он сам несколько минут назад, сказал Кряжимский. – Как думаете, что это с ней стряслось? Неужели и в самом деле Мариночка решила взяться за ум, как и говорит? Может, у нее проснулся ранее не востребованный талант? Я просто в недоумении и не знаю, что со всем этим делать.

– Пустить в печать, – не задумываясь, произнесла я. – А что еще мы можем? Раз уж у Маринки проснулся такой талант, было бы глупо им не воспользоваться. Ну а то, что она не совсем обычно себя ведет, так это, я думаю, временно. В любом случае пока все ее поступки полезны и своевременны. Если она станет продолжать в том же духе и далее, придется выдать ей премию.

– Будем надеяться, что это действительно так, – поднимаясь, произнес Кряжимский. – Но все же... – Сергей Иванович минуту помолчал, переминаясь с ноги на ногу, – знаете, как-то скучновато у нас стало с исчезновением старой Маринки. Поскорее бы она вернулась...

Я ничего не ответила. Кряжимский еще немного повздыхал и покинул мой кабинет, оставив меня в растерянности. Статья, над которой я вот уже второй день безуспешно билась, так легко и так замечательно была только что написана нашей взбалмошной Маринкой. Неужели я старею и уже не способна доносить информацию до читателя? Что-то мне это не очень нравится...

Еще раз пробежав глазами Маринкино произведение, а заодно и второе, оказавшееся столь же удачным, я отложила бумагу в сторону и решила, чтобы не забивать себе голову всякими нехорошими мыслями, еще раз проверить расположение статей на различных полосах газеты. Что-то все-таки нужно было теперь делать, раз уж за меня все написано. Открыв необходимые файлы, я сумела заставить себя сосредоточиться и почти забыла о тех странностях, которые стали вдруг происходить с нашей Широковой. Однако меня снова побеспокоили. В кабинет заглянула сама Широкова собственной персоной и серьезно, как и подобает настоящей секретарше, произнесла:

– Ольга Юрьевна, к вам старушка. Говорит, что хотела бы дать информацию для новой статьи. Пригласить?

Немного растерявшись от такого официального ко мне обращения своей подруги, я не сразу нашла что ответить, но потом вдруг таким же официальным тоном разрешила Широковой посетительницу пригласить. И через минуту в моем кабинете появилась старушка – энергичная женщина лет шестидесяти.

Она была темноволосой, невысокого роста, худощавого телосложения. Карие глаза женщины были обрамлены редкими, почти невидимыми ресницами. Губы посетительницы в данный момент были слегка подкрашены ярко-красной помадой. На женщине было темно-синее длинное платье, подпоясанное ремешком. И вообще, вид у моей гостьи был такой, что называть ее старушкой или бабушкой было как-то не совсем удобно, но... другого определения для людей данного возраста еще не придумано.

Войдя в мой кабинет, женщина поздоровалась и замерла у двери, неловко замаявшись на месте.

– Да вы проходите, не стесняйтесь, – указывая на стул, произнесла я. – У нас здесь все по-простому.

– Да, я заметила, – скромно откликнулась посетительница и натянуто улыбнулась. Затем села на стоящий напротив моего стола стул и, сложив руки на коленях, стала их мять, заметно нервничая и как будто ища слова, чтобы начать свой рассказ.

– Моя секретарша сказала, что вы хотели нам что-то сообщить, – первой начала я, понимая, что, раз старушка пока еще не решается перейти к делу, надо ей немного помочь. – Я очень внимательно вас слушаю, говорите.

– Дело мое, конечно, может показаться вам совершенно мелочным и недостойным внимания, но я просто больше не знаю, что мне делать и куда податься, – расстроено и с болью в глазах начала рассказ пожилая женщина. – Я уже столько инстанций прошла, столько порогов обила, а толку нет. Вот, решила еще через прессу попробовать правды добиться, может, хоть это какой-то результат даст.

– Обещаю, что мы постараемся вам помочь, – посочувствовала старушке я, хотя пока и не знала, что, собственно, у нее случилось. Правда, очень надеялась на то, что ее проблема окажется не мелочной и мне не придется извиняться, ища аргументы для отказа в публикации какой-нибудь ерунды. А злободневные темы газете очень даже нужны. – Только вы сначала представьтесь, а потом расскажите все, что считаете нужным, – попросила я.

– Да, конечно, – немного смутившись, откликнулась старушка. – Извините, что я сразу этого не сделала, как-то растерялась.

– Ничего, ничего... – успокоила я женщину, и та продолжила:

– Меня зовут Лариса Евгеньевна Мясникова. Я живу не в Тарасове, а в Новой Красавке. Может, слышали? Деревенька такая в нашем районе есть...

– Да, конечно, слышала, – закивала я, а затем добавила: – Ну, раз вы специально приехали в город, то могу предположить, что у вас действительно случилось что-то серьезное. Я права?

– Да, очень серьезное, – вздохнула Мясникова расстроено и тут же добавила: – По крайней мере для нас с дедом. Дело в том, что у нас украли внучку, и мы никак не можем ее вернуть.

– Как это... украли? – не поняла я. – Кто украл?

– Ее отец – придурок, – зло добавила Лариса Евгеньевна, и лицо ее исказилось ненавистью. – И это все после того, что он сделал! Совести у него совсем нет.

– Стойте, стойте, – остановила я речь женщины. – Что-то я вас совершенно не понимаю. Объясните все по порядку. Вы сказали, что вашу внучку забрал ее отец, так? – Старушка кивнула, а я продолжила: – Но ведь это вполне нормально, она его ребенок, и он имеет на нее полное право.

– Имел, – поправила меня Мясникова. – Девочку присудили матери после развода, так как отец пил и избивал их обеих. Моя дочь постоянно была в синяках, а девочка из-за постоянных скандалов в доме стала жутко пугливой. Так что никаких прав на ребенка отец совершенно не имел.

– А как же случилось, что он забрал ее у матери сейчас? – Я все еще не до конца понимала ситуацию. – И почему ко мне пришли вы, а не сама мама девочки?

– Потому что ее мама, моя дочь Вика, недавно умерла, – всхлипнув, произнесла старушка. – Она сгорела в своем дачном доме. Но потом выяснилось, что ее перед пожаром кто-то убил – на теле были два ножевых ранения. Видимо, убийца решил все списать на несчастный случай. Но пожар очень быстро потушили, и тело не успело сильно обгореть, а потому удалось выяснить настоящую причину смерти.

– Имея в виду ваш тон, могу предположить, что виновным в смерти своей дочери вы считаете ее мужа, – сделала свои выводы я, так как не раз уже сталкивалась с подобными делами. – Я права?

– Правы, правы, – активно закивала головой старушка. – И не просто считаю, я даже уверена, что это сделал именно он, чтобы забрать к себе мою внучку.

– Он что, так хотел, чтобы она жила с ним? – спросила я. – Он ее так сильно любит?

– Да нет, что вы! – махнула в ответ рукой женщина. – На ребенка ему наплевать. Девочка нужна ему лишь для того, чтобы получить квартиру, оставшуюся после бывшей жены и теперь перешедшую к дочери по завещанию, – пояснила старушка.

– А почему ваша дочь составила завещание? – спросила я, посчитав этот поступок немного странным, ведь наверняка возраст убитой еще не подошел к тому критическому, когда наши соотечественники задумываются о смерти и распределении их имущества между наследниками. – Она что, была больна или о чем-то подозревала? Она догадывалась, что ее собираются убить?

– Да нет, не то чтобы она подозревала. Просто при той жизни, которая у нее была – а она ведь у меня бизнесом занималась, – никогда не знаешь, чего следует ожидать. И потом, девочка моя много путешествовала, а в дороге могло что угодно приключиться. Вот она и подстраховалась, оформив завещание, по которому оставляла мне дачу – она потом, кстати, и сгорела, – а все сбережения и квартиру – своей дочери.

– И большие у нее были сбережения? – вновь любопытствовала я. – То есть я имею в виду, была ли сумма настолько большой, чтобы кто-то захотел ее получить?

– Да нет, что вы! – опять махнула рукой бабушка. – Какие у нее могли быть сбережения? Тысяч пятьдесят, не больше. Разве это при нашей жизни деньги? Ни на что и не хватит.

– Ну, для кого как... – не стала ничего утверждать я и поинтересовалась: – А отец девочки знал о завещании?

– Еще бы! Квартира ведь у моей дочери давно была, она ей еще от бабушки досталась. После свадьбы Вика с мужем там и жила. Этот подонок понимал же, что в любом случае квартира отойдет девочке или мне, вот и убил мою Вику. Знал ведь, что на свою долю я претендовать не стану, а если и стану, то жить в квартире не буду.

– А у вашего зятя... – намереваясь задать новый вопрос, начала я, но старушка тут же меня перебила, поправив:

– Бывшего.

Я кивнула и продолжила:

– Так у вашего бывшего зятя имеются какие-то проблемы с жилплощадью и деньгами? Почему ему потребовалось жилье?

– Он без проблем вообще жить не умеет, – насмешливо произнесла Мясникова. – Неужели вы думаете, что этот конченный алкоголик способен завязать с пьянками? Я в это ни за что не поверю, как бы он ни старался всех в этом убедить. А вот наши социальные службы почему-то поверили.

Старушка тяжело вздохнула и осторожно смахнула скупую слезу. Затем взяла себя в руки и предположила:

– Видимо, он их всех подкупил, опять ввязавшись в долги. Было бы иначе, никто не дал бы ему разрешение забрать ребенка себе. – Женщина вновь замолчала и несколько минут безотрывно смотрела на стену перед собой, а затем продолжила: – Мы ведь с мужем хотели удочерить девочку, но нам не разрешили. Сказали – старые мы очень. А какие же мы старые? Нам еще жить да жить! Да и девочка к нам давно привыкла, ведь она больше времени с нами жила, чем с матерью. Ну а теперь, когда этот нелюдь забрал нашу малышку, единственную память о дочери, мы хотим попытаться вернуть ее к себе. У нас ведь еще одна дочь есть, только детей иметь она не может, так вот мы думаем, что девочке очень хорошо бы жилось вместе с нами всеми.

– А как зовут вашу внучку? – немного запоздало поинтересовалась я.

– Сонечка, Софья то есть, – ответила старушка и сразу просияла в лице. – Софья Александровна Курдова.

– Значит, ее отца зовут Александром? – уточнила я.

– Да, Александром, – с пренебрежением кивнула Мясникова. – По отчеству он Владимирovich. Чтоб его черти к себе забрали, ирода такого! И как таких земля носит...

– В общем-то, мне все ясно, – немного подумав, произнесла я. – Только никак не могу взять в толк, почему вы пришли с этой проблемой именно к нам. Чем мы можем вам помочь?

– Статьей обличительной, – глядя мне прямо в глаза, ответила Мясникова. – Дело-то ведь видите ли в чем: бывший муж моей дочери занялся бизнесом и теперь, наверное, для того, чтобы подняться в глазах своих коллег, друзей и кого-то там еще, я точно не знаю, делает вид, что он примерный гражданин своей страны и заботливый отец. Насколько я знаю, он завел себе какую-то женщину, с которой и живет, а дочь забрал ради ее наследства, пусть и не очень богатого. А квартиру-то он наверняка продать решил, чтобы потом на эти деньги можно было шиковать. Только ведь мы-то знаем, какой он на самом деле, какие у него знакомства и дружки, и хотим, чтобы об этом узнали и остальные. Может, тогда суд пересмотрит свое решение и девочку позволят удочерить нашей второй дочери?

– Честно сказать, – немного подумав, покачала головой я, – очень сомневаюсь, что статья, пусть даже с очень серьезными обвинениями, сможет помочь вашему делу. Сейчас чего только не пишут, все давно привыкли.

После этих слов старушка посмотрела на меня так обиженно, что я поторопилась добавить:

– Вы не думайте, что я не желаю вам помочь! Но только в нашей стране, как это ни неприятно осознавать, слова никогда ничего не значили, и для того, чтобы что-то доказать, необходимо иметь веские улики, а не писать статьи, на которые мало кто обратит внимание. А вы ведь собираетесь предъявить своему бывшему зятю обвинение в убийстве, что весьма серьезно. Он, в свою очередь, будет вправе подать иск в суд за необоснованное оскорбление, и тогда вы же еще можете и виноватыми остаться. Понимаю, что слова мои для вас звучат неприятно, но это правда, и мы тут не в силах ничего изменить...

– Так что же мне делать? – совсем сникла женщина и, опустив голову, принялась утирать слезы. – Мы уже все перепробовали. Милиция этим делом больше не занимается, так как считает, что виновного найти уже вряд ли удастся: никто его не видел, никто ничего не знает, а ведь я им указала на этого типа сразу. Как же еще, если не через газеты, народ может узнать о подлой душонке пьяницы и убийцы, который всех обманывает? А он еще тот шулер! Наверняка уже со своим бизнесом подвел и подставил много людей и еще столько же собирается обвести вокруг пальца. Нельзя же спускать все ему с рук.

– Нельзя, тут я с вами согласна, – подхватив слова старушки, продолжила я. – Но и начинать все со статьи не очень правильно. Знаете, у меня немного другая идея, если вы не против, я вам ее сейчас поведаю, – я пристально посмотрела в глаза женщине, ожидая от нее ответа.

– Конечно-конечно, говорите, – взволнованно откликнулась Лариса Евгеньевна и с надеждой уставилась на меня. – Для меня сейчас любая идея важна.

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, а затем произнесла:

– Вам очень повезло, что вы обратились именно в нашу газету. Дело в том, что название «Свидетель» нами было выбрано совершенно не случайно, и указывает оно на то, что вся информация, содержащаяся в наших статьях, лично нами проверена. В связи с этим еще несколько лет назад мы с коллегами внесли в устав редакции нашей газеты небольшую поправку. В ней говорится, что мы имеем право на нечто вроде розыскной деятельности. Сейчас я вам этот пункт зачитаю, вот: мы «оказываем платные услуги гражданам, организациям и предприятиям в установлении по их просьбе фактов, связанных с их личной жизнью и жизнью членов их семей, направленных против их интересов, деятельности их партнеров, конкурентов и политических противников».

Женщина кивнула, дабы показать мне, что она очень внимательно слушает.

– Не подумайте, – прекрасно понимая, какие мысли одолевают сейчас старушку, торопливо произнесла я, – что я пытаюсь вытянуть из вас деньги. Совсем нет. В некоторых случаях, особенно когда к нам обращаются люди среднего достатка, мы делаем исключение и занимаемся расследованием бесплатно. Мы все тщательно проверяем, расспрашиваем очень много людей, анализируем собранную информацию, а когда устанавливаем истину, тогда и пишем статью.

– То есть, если я правильно вас поняла, вы предлагаете заняться выяснением того, кто действительно убил мою дочь? – осторожно спросила женщина. – Как это делают частные детективы?

Я кивнула и пристально посмотрела в глаза своей собеседнице.

– Думаете, из вашего расследования будет толк? – недоверчиво полюбопытствовала бабушка. – Ведь даже милиция ничего установить не смогла... Как же вы-то сумеете выяснить?

– Это уже наши заботы, – улыбнувшись, ответила я ей. – Главное, чтобы вы дали свое разрешение и немного помедлили с публичными обвинениями против своего зятя. Уверена, что, если покопаться, на него много чего интересного можно накопать. А вот тогда-то уже можно будет передать собранные нами данные в социальные службы, в милицию и так далее,

требовать пересмотра решения о разрешении на воспитание ребенка. Ведь они вас, наверное, как раз потому и слушать не стали, что вы ничего доказать не могли, так?

– Да, так, – согласилась со мной женщина. – Сказали, мол, клеветают друг на друга многие, а потому они верят только фактам и документам. Да только где взять-то эти самые документы?

– Так вы согласны немного подождать и дать нам шанс попробовать выяснить правду? – вновь спросила я. – Вдруг окажется, что ваш зять вовсе и ни при чем, а вашу дочь убил кто-то другой? Тогда выяснится, что вы наговаривали на него зря.

– Ничего подобного! – немного обиженно воскликнула старушка. – Даже если убийство и не его рук дело, в чем я очень сильно сомневаюсь, он замешан во многом другом и просто не имеет права воспитывать ребенка. Хотя нет, я знаю, чувствую, что именно он убил мою Вику. Она сама говорила мне при последней встрече, а это было за три дня до ее смерти, что он приходил к ней и угрожал.

– Кто он, Александр Владимирович Курдов? – уточнила я.

– Да, этот гад, – не желая называть бывшего зятя по имени, тут же откликнулась посетительница. – Он просил у моей дочери денег взаймы, а она не дала, потому что не хотела с ним связываться. Он тогда и пригрозил ей, что она пожалеет об этом, но Вика не придавала его словам никакого значения, а надо было в милицию на него сразу заявить, глядишь, сейчас бы жива была. Этот чертов картежник наверняка проигрался, вот и требовал у нее денег, как будто она ему чего должна. А он ведь даже алименты не платил, ирод несчастный...

– Я вас прекрасно поняла, – почувствовав, что старушка может говорить о своих подозрениях до бесконечности, перебила я. – В любом случае, мы все проверим, а потом вместе с вами решим, что делать дальше. Если причастность Александра Курдова к убийству подтвердится, тогда держать ребенка при себе он уже не сможет, несмотря на то что сейчас девочка у него и он, по вашим словам, собрал все необходимые документы, подкупив социальные службы, и так далее. Вы согласны подождать, пока мы все проверим?

– Согласна, что же еще мне остается, – тяжело вздохнув, ответила женщина, явно поняв, что на большее надеяться ей нечего. – Вы ведь первые, кто хоть какую-то помощь предложил, остальные только отмахиваются и в другие инстанции переадресовывают, вот я и ходила по кругу, плакалась, а все зря. Им до моего горя дела нет, их только деньги интересуют. Так что вы попробуйте, я подожду. Авось будет результат из вашего расследования.

– Ну вот и замечательно, – порадовавшись тому, что у нас снова появилась возможность раздобыть интересную информацию для газеты, произнесла я.

Затем я стала расспрашивать старушку о том, что она еще знает о своем бывшем зяте: где он живет, чем занимается и так далее. Увы, поведать многого женщина мне не смогла, так как в тесной дружбе со своим бывшим родственничком никогда не была и даже не интересовалась его делами. Единственное, что она знала, так это дату рождения Александра Курдова, да и то потому, что однажды была у него на дне рождения, когда они еще только поженились с ее дочкой. Но и это было полезной информацией, учитывая то, что адрес мужчины нам пока был неизвестен.

Выяснив у старушки все возможное, я убедила ее в том, что спешка в таких делах только вредит и будет лучше, если она сейчас поедет домой, подождет вестей от нас и не станет больше ничего предпринимать. Старушка со мной согласилась, хотя по ее глазам я поняла, что она только так говорит, но вовсе так не думает. Вполне возможно, что она продолжит обивать пороги, но, в общем-то, это уже ее дело. В любом случае обещание ничего не предпринимать женщина мне дала, и я могла надеяться на то, что она хоть на какое-то время его сдержит.

Распрощавшись с посетительницей, я проводила Ларису Евгеньевну до дверей, а затем повернулась и посмотрела на своих коллег. Ромка, мучимый бездельем, сидел на подоконнике и глазел в окно, болтая ногами. Кряжимский, как и всегда, что-то печатал на компьютере, Виктор, по всей видимости, сидел в своей каморке и занимался фотоаппаратом или пленками.

А вот Мариночка, удивившая нас с самого утра, в настоящий момент облагораживала нашу редакцию – ухаживала за комнатными цветами. Вообще-то раньше, если какие-то растения сюда и попадали, то все равно не выживали – либо вяли, не получая достаточного количества влаги, либо сваливались кем-нибудь по неосторожности на пол. Одним словом, цветы у нас никто не жаловал, кроме Широковой.

– Зачем приходила эта женщина? – не отрывая глаз от компьютера, спросил Кряжимский. – Что-нибудь интересное?

– Думаю, да, – ответила я, все еще наблюдая за Маринкой. – Она думает, что ее дочь убил бывший муж. Он же теперь и забрал у нее внучку, несмотря на то, что по суду ее отдали матери, и он даже не имел на нее никаких прав. Я предложила ей проверить ее предположения и попытаться установить правду.

– Думаю, вы поступили совершенно правильно, – спокойно проговорил Кряжимский и, сняв очки, начал протирать их носовым платочком. Затем он вновь нацепил их на нос и, посмотрев на меня, спросил: – Желаете собрать всех на совещание?

Я покосилась в сторону Маринки и неуверенно пожала плечами.

– Будем считать, что сбор назначен через десять минут, – за меня решил Кряжимский и тут же отдал Ромке распоряжение позвать Виктора.

Я одним взглядом поблагодарила Сергея Ивановича за поддержку и пошла к себе.

Когда все сотрудники нашей редакции собрались в моем кабинете, я еще раз кратко пересказала свой разговор со старушкой, после чего, обращаясь ко всем сразу, спросила:

– Как думаете, с чего следует начать?

Я пробежалась глазами по лицам своих коллег, но только на лице Кряжимского заметила желание мне ответить. Прокашлявшись, наш старейшина пару минут помолчал, а потом произнес:

– Лично я думаю, что расследование нужно начать сразу с нескольких сторон.

– С каких именно? – полюбопытствовала я.

– Для начала нужно проверить связи и знакомства этого парня. Вы, Ольга Юрьевна, сказали, что старушка назвала имена нескольких друзей бывшего зятя. Думаю, что их можно проверить и расспросить. Тогда мы точно узнаем, действительно ли у отца девочки денежные и жилищные проблемы.

– А не проще ли спросить у него самого? – предположила я. – Ему-то куда лучше их всех это известно.

– Так-то оно так, – согласился со мной Сергей Иванович. – Но только вряд ли этот тип нам что-то скажет. Если он и в самом деле старается предстать в глазах общества с положительной стороны, то не думаю, что он станет первым попавшимся людям, тем более представителям прессы, рассказывать о своих проблемах. Впрочем, с ним можно поговорить, но только для того, чтобы узнать его характер, посмотреть, в какой обстановке он содержит ребенка, но не более. Лучше будет, если он пока не заподозрит ничего странного в нашем визите, а самим беспрепятственно его проверить. Его друзья, которым скрывать что-то совсем ни к чему, могут рассказать много интересного.

– Вы абсолютно верно мыслите! – воскликнула я. – Нам действительно лучше разделить и начать расследование одновременно в двух направлениях. Тогда и вероятности что-то разузнать будет больше. Если, конечно, никто не против? – на всякий случай спросила я, хотя и понимала, что вряд ли кто-то мне возразит. – Тогда предлагаю разделить на две группы: Кряжимский, Марина и Рома поедут беседовать с друзьями Курдова, а мы с Виктором попробуем отыскать самого папашу.

– На меня сегодня не рассчитывайте, – до сего момента молчавшая, произнесла вдруг Широкова. – Я через десять минут уйду. У меня дела личного характера. В редакции я уже

все сделала, на телефоне автоответчик включила, так что, думаю, мое присутствие здесь до завтрашнего утра больше не понадобится.

– Что значит не понадобится? – опешила от такого заявления я, а Сергей Иванович и вовсе открыл от удивления рот. – Разве дело в том, что ты сделала? Кажется, рабочий день еще не закончен, а значит, никто никуда не уходит. И вообще, Мариночка, может, ты наконец объяснишь нам всем, что с тобой происходит? Ты сама на себя не похожа.

– Я не попугай, чтобы все повторять раз по сто, – отмахнулась Маринка. Затем она встала и, собрав пустые чашки с моего стола, добавила: – Ну, раз вы меня не отпускаете, считайте, что я ушла на больничный. Справку я принесу позже.

– Вот те раз! – развел руками Сергей Иванович и тут же обратился к Маринке с поучающими речами, но она его и слушать не стала, спокойно удалившись из моего кабинета. Остальные только молча переглянулись и пожали плечами.

– Да что, в конце концов, с ней происходит! – окончательно выйдя из себя, вскипела я. – Я никогда Широкову такой серьезной и невозмутимой не видела. Возникает ощущение, что проблемы коллектива ее совершенно не волнуют. Но ведь такого не может быть, чтобы она в один день так резко изменилась. Кто-нибудь знает, что с ней произошло?

Я пробежала взглядом по лицам своих коллег и задержалась на Ромкином, почему-то заподозрив, что он о чем-то знает.

– Ну-ка, мальчик, – тут же обратилась я к нему, – выкладывай все начистоту. Что произошло с Маринкой? Какие такие проблемы личного характера у нее завелись?

– Да откуда мне знать? – попытался увильнуть от ответа Ромка, но у него этот номер не прошел, и я еще раз, только более настойчиво, повторила свою просьбу. И пришлось нашему курьеру сдаться. Тогда он скромно сообщил: – Маринка сошлась с каким-то парнем.

– Что?! – почти в один голос воскликнули мы все.

– Как это сошлась? Зачем? – чуть позже спросила я.

– Да не знаю я, – заворчал Ромка. – Она просто сказала, что нашла себе наконец лучшего мужа.

– А почему она сказала это тебе, а не кому-то еще? – не поняла я.

– Так... – Ромка замялся. – Вы же сразу с вопросами приставать начнете, а мне она доверяет.

– Ну и что еще она тебе доверила? – любопытствовала я.

– Сказала, что скоро совсем переедет к нему. Что он хороший, – почти на одном дыхании начал перечислять Ромка. – Что у него есть ребенок, но жена от него ушла к другому и этому ребенку нужна такая мать, как Маринка.

– Ничего себе... Или я чего-то недопонимаю, или мне все это снится! – схватившись за голову, воскликнула я, а затем вновь повернулась к Ромке и попросила: – Еще раз, но все по порядку и помедленнее.

– Так я уже все сказал, – пожал плечами наш курьер. – Больше я ничего не знаю.

– Уверен? – теперь уже спросил у него Кряжковский.

– Вроде бы да, – откликнулся Ромка и принялся чесать затылок, вспоминая, все ли сказал. – А еще она говорила, что этот мужик, ну с которым она скоро будет жить, любит, когда женщина хозяйничает по дому, именно поэтому он и выбрал Маринку.

– Маринка и дом... – недоумевающе развела руками я. – С каких это пор два этих понятия стали близкими?

– Я так же удивлен, как и вы, Ольга Юрьевна, – произнес Кряжковский, когда мой вопросительный взгляд остановится на нем. – Но, видимо, всему свое время, и Мариночка действительно достигла того важного момента, когда человек полностью переосмысливает свою жизнь и решает начать ее заново. Тут нет ничего удивительного. Вспомните себя саму.

– Нет, – немного подумав, не согласилась я. – Меня жажда таких резких перемен вроде бы не обуревала.

– Ну так что же? Кому что, а кому... – покачал головой Кряжимский. – Видимо, Мариночке очень нравится тот человек, с которым она собирается начать новую жизнь, вот она и старается изо всех сил стать такой, какой он желает ее видеть. Чуть позже она наверняка извинится перед всеми нами, осознав, что друзья остаются друзьями в любом случае и разбрасываться ими направо и налево ни в коем случае нельзя.

– Вашими бы устами... – заметила я, тяжело вздохнув. Затем покосилась в сторону двери, за которой скрылась Маринка, и тихо добавила: – Хотелось бы мне увидеть этого с ума сводящего типа. Впрочем, думаю, мы еще успеем, сейчас же главное – разобраться с той задачей, которая перед нами поставлена. Вы согласны?

Все дружно кивнули.

– Вот и отлично, – обрадовалась я и, минуту помолчав, добавила: – А Мариночка пусть пока занимается своими делами. Наверняка она скоро одумается и присоединится к нам. Не будем пока ее трогать, раз она этого не хочет.

Кряжимский слегка кивнул, давая мне понять, что полностью согласен с моим решением. Его поддержка меня порадовала, и я, заставив себя забыть о Маринке, стала собираться в дорогу.

Глава 2

Имея дату рождения Александра Владимировича Курдова, нам с Виктором удалось очень быстро установить, где он проживает, а потому из паспортного стола мы сразу же направились на поиски его дома. Как выяснилось, проживал бывший зять Ларисы Евгеньевны на улице Соколовой. От нашей редакции до этого места было минут двадцать езды, но, учитывая то, что нам пришлось еще и заглянуть в паспортный стол, добирались мы до дома Курдова немного дольше. Ехали мы совершенно молча, так как Виктор особой разговорчивостью у нас никогда не отличался и на все вопросы отвечает обычно лишь кивками. С ним и беседовать-то неинтересно, а потому я даже и не пыталась этого делать, решив лучше поразмышлять обо всем в тишине, пока никто не мешает.

Однако подумать о деле почти не удалось, так как то и дело мои мысли невольно возвращались к нашей столь резко изменившейся Маринке, за которую я очень переживала и волновалась. Несмотря на то что она действительно стала вести себя как настоящий взрослый человек, я очень боялась за нее, сердцем чувствуя, что это ее новое состояние продлится не слишком долго и скоро что-нибудь приключится. Если кто помнит, Маринка у нас совершенно не умеет разбираться в мужчинах, и это ее главная проблема, из которой вытекают все последующие. А еще она упрямая. И ты хоть лбом об стену бейся, а слушать она все равно никого не желает, несмотря на то, что не один и даже не сотню, а наверное, всю тысячу раз ошибалась. Но, видимо, Маринке такая жизнь попросту нравится самой, вот она и не пытается ее изменить, а если и пытается, как сейчас, например, то делает это как-то не совсем правильно и верно.

Виктор затормозил мою «Ладу» и заглушил двигатель. Сие означало, что мы наконец добрались до места. Я облегченно вздохнула, радуясь, что теперь смогу отвлечься от недобрых мыслей о грядущей судьбе Маринки. Выйдя из машины на улицу, я посмотрела на дом под номером сорок три. Он был построен, по всей видимости, давно. А вдобавок ко всем прочим приметам возраста здания по его середине шла крупная трещина. Дом явно находился в аварийном состоянии.

– Да, такой дом и я бы мечтала поменять на что-то более приличное, – вспомнив о том, что говорила старушка о мотивах убийства Курдовым ее дочери, произнесла я.

Ответом мне были лишь стук захлопнутой Виктором двери и его довольно громкое сопение.

– Вроде бы тут, – только для того, чтобы не молчать, произнесла я и направилась в сторону подъезда. Виктор молча последовал за мной.

Мы поднялись на третий этаж, остановились возле двери с прибитой над звонком табличкой, на которой значился нужный нам номер квартиры, и Виктор надавил на кнопку. Внутри квартиры раздался неприятный звон, а через несколько минут послышались какие-то шорохи. Я напряглась, ожидая, когда перед нами распахнется дверь и мы увидим того самого отпетого негодяя, каким изображала Курдова его бывшая теща. Дверь вскоре открылась, но ничего страшного или удручающего мы не увидели. Напротив, перед нами стоял опрятного вида мужчина лет тридцати восьми, с коротко стриженными волосами, в аккуратно выглаженном черном костюме. Глаза мужчины были темно-карими, и в настоящую минуту в них читался вопрос, что за неведомые гости пожаловали в его дом.

– Здравствуйте, – немного растерявшись, проговорила я и сразу же спросила: – Вы Александр Владимирович Курдов?

– Да, это я, – приятным баритоном ответил мужчина. – А в чем дело?

– Мы журналисты, – широко улыбнувшись, произнесла я. – Мы бы хотели взять у вас интервью, так как слышали, что вы вроде бы забрали к себе свою дочь, несмотря на то, что с ее матерью давно уже не живете. Подобные поступки сейчас редкость, ведь в наши времена мало

кто желает вешать себе на шею дополнительный хомут. А уж мужчины тем более... – самым наглым образом врала я, выдумывая причину нашего визита. И улыбалась возможно более приветливо. – Мы были бы очень рады, если бы вы согласились немного пообщаться с нами.

На несколько минут задумавшись, мужчина, видимо, решил, что реклама ему в данной ситуации не мешает, а потому также приветливо заулыбался и, отстранившись от двери, произнес:

– Ну, насчет того, что такие поступки редкость, это вы немного преувеличили. Но я пока не занят, а значит, могу удовлетворить ваше любопытство по всем вопросам. Прошу вас, проходите.

«Приятный вроде бы мужчина... – пронеслось у меня в голове, но я тут же предостерегла себя: – Но это может быть лишь маска. Оля, будь осторожнее».

– Не обращайтесь внимания на некоторую запущенность квартиры, – шествуя впереди нас, говорил Курдов. – Я живу здесь временно, вскоре планирую переселиться в другое место, вот ремонт и не делаю. Это квартира моего деда, по наследству досталась после его смерти.

– А у ваших родителей квартира есть? – как бы невзначай спросила я.

– Есть, но они в Башкортостане живут, и я с ними практически не общаюсь. Я ведь не один сын у них – нас, братьев, аж четверо. Но вы проходите, садитесь, – Курдов указал на старенький диван, покрытый недорогим пледом.

Я не спеша осмотрелась по сторонам, отметив про себя, что внешний вид Курдова совсем не сочетается с тем, что имеется у него в квартире. Сам Александр Владимирович выглядел более чем шикарно – вещи на нем были все дорогие, тогда как о его жилище сказать этого было нельзя. Взять, скажем, диван, на котором мы с Виктором сидели: он был из разряда отнюдь не новых или модных, появившихся в продаже недавно, а, скорее всего, был приобретен лет пять назад, если не больше. Остальная мебель также была несовременной. Окна закрывали выцветшие шторы.

Я поискала глазами телевизор и очень удивилась, увидев, что он очень маленький. А на том месте, где обычно рядом с телевизором стоит видеомаягнитофон, ничего подобного не было. Однако именно в том месте имелось на пыльной поверхности менее запыленное пятно, отчего можно было с уверенностью сказать, что он в квартире находился. Причем не очень давно. Похоже, вещи из дома потихоньку распродавались.

– А где же ваша дочь? – завершив осмотр квартиры Курдова, произнесла я. – Мне бы так хотелось ее увидеть.

– Ох, да она еще в детском саду, маленькая ведь, – улыбаясь во весь рот, произнес Курдов. – Я ведь постоянно на работе, а одну ее оставлять не рискую.

– А дорого вы платите за детский сад? – тут же спросила я, как бы просто интересуясь для себя.

– Да нет, всего-то тысяча с небольшим в месяц, – с готовностью сообщил Александр. – Но мне никаких денег для моей малышки не жалко. Я хочу, чтобы она получала все самое хорошее. И вообще, думаю, что скоро у нас с ней начнется отличная жизнь.

– О, вы говорите об этом так, будто вам в руки вот-вот должна прийти удача, – улыбнувшись, произнесла я. – Может быть, расскажете о своей жизни поподробнее? Думаю, нашим читателям будет очень интересно. Кстати, вы не против, если я включу диктофон? Просто не совсем удобно все записывать.

– Да, конечно, если вам это необходимо, – ответил Курдов и неловко поерзал в кресле, готовясь к рассказу, который я и впрямь собиралась записать, чтобы потом иметь возможность еще раз прослушать и выявить все несоответствия или обман. Тем временем Курдов откашлялся и спросил: – С чего лучше начать?

– Думаю, что с девочки, – ответила я. – Расскажите о своей дочери, о том, как она к вам относится, нравится ли ей жить с вами?

– Ну как же ей может не нравиться? – натянуто улыбнувшись, что указывало на несоответствие слов с действительностью, произнес Курдов. – Я же ее отец. Конечно, ей не хватает матери, она скучает по женской ласке. Но я думаю, что скоро все будет хорошо, ведь я нашел подходящую женщину, способную заменить ей мать.

– Вы собираетесь вновь жениться? – немного удивленно поинтересовалась я.

– А почему нет? – откликнулся Александр и по-хозяйски закинул одну ногу на другую. – Я ведь еще молод, полон сил и энергии. Но я считаю, что нужно сначала посмотреть, как отнесется к той женщине моя дочь, а потом уже думать о том, чтобы связывать с ней свою жизнь. Дочь для меня важнее всего.

– Это правильно, – похвалила я, хотя уже почувствовала: Курдов говорит именно то, что должен был бы сказать на его месте любой нормальный, положительный отец, а на самом деле намеренно вводит нас в заблуждение.

– А чем вы занимаетесь? – решив ненадолго сменить тему разговора, задала я новый вопрос.

– Я бизнесмен, – гордо произнес Курдов. – У меня своя фирма, свое дело, которое понемногу развивается и растет. Я надеюсь, что когда-нибудь все то, что я заработаю, останется моей дочери и она сумеет распорядиться этим правильно.

– А как давно вы занимаетесь бизнесом? – последовал мой следующий вопрос.

– Недавно, – не стал врать Курдов, – но чувствую себя в этой сфере вполне нормально. Сначала я работал на других, а года два назад начал свое дело. Сейчас вроде бы все идет на подъем, но для достижения большого успеха нужно время. В настоящий момент я, например, планирую открыть новый магазин по продаже спортивных товаров и аксессуаров. На мой взгляд, это очень прибыльное дело.

– Что ж, желаем вам удачи, – откликнулась я и вернулась к интересующей меня теме: – А скажите, Александр Владимирович, ваша дочь не просится к бабушке? Насколько нам известно, она сначала жила с матерью вашей бывшей жены и наверняка к ней привыкла.

– Да, конечно, привыкла, – согласился со мной мужчина, затем как-то странно усмехнулся и продолжил: – Честно сказать, я никогда не понимал свою жену. Она почти не видела дочери и все время каталась по миру. А ведь девочке требовалось тепло и забота, которые не могли в полной мере дать ни дед, ни бабушка. Ей нужны были настоящие родители, причем оба. Знаете, когда мать умерла, малышка практически не заметила этого. И вовсе не из-за своего возраста, а потому, что почти и не видела, не знала ее. Что же касается бабушки и деда, то по ним она скучает, и я вынужден иногда приглашать их к себе в гости. Но думаю, в этом скоро уже не будет необходимости, дочка привыкнет к жизни в моей семье.

«Ух ты, а он их, оказывается, приглашал... Что-то об этом Лариса Евгеньевна совершенно не упоминала, а напротив, утверждала, что мужчина не давал ей даже возможности увидеться с внучкой», – заметила я про себя. Но не подала виду, что раскусила Курдова. Нет уж, пусть пока думает, что ему полностью верят.

– Насколько я поняла, у вас и вашей дочери дела идут замечательно? – подвела я итог.

– С уверенностью могу сказать, что да, у нас все прекрасно, – гордо произнес Курдов.

– А можно спросить вас еще кое о чем? – решив рискнуть и узнать у Курдова, есть ли у него алиби на день смерти его жены, осторожно начала я.

Ничего не заподозрив, мужчина улыбнулся и согласно кивнул:

– Конечно, спрашивайте. Я же, кажется, сразу согласился ответить на все ваши вопросы.

– Собирая материал для этой статьи, – продолжила я, – мы заходили еще и в милицию, чтобы узнать там побольше о смерти матери девочки. Нам немного сказали, так что мы хотим теперь кое-что уточнить у вас.

– Да, я слушаю, – напряженно откликнулся Курдов, по-прежнему изображая абсолютно открытого человека, но в его голосе я почувствовала напряжение.

– Скажите, у вас было алиби на момент смерти вашей жены? – решительно тряхнув головой, спросила я в лоб, но, чтобы не вызвать у мужчины никаких подозрений, тут же добавила: – Нам стало известно, что вас некоторое время подозревали в убийстве. Как вы это можете объяснить?

– Очень просто, – посерьезнев, ответил Александр. – Это все происки моих врагов, желающих оклеветать мое доброе имя и выставить меня с самой неприглядной стороны. Бизнес, девушка, это ведь, знаете ли, такое дело, где ничем не гнушаются и любой метод, если он может принести положительный результат, сразу же идет в ход. Я действительно был под подозрением и общался по данному поводу с работниками милиции, но я здесь ни при чем, а значит, бояться мне нечего.

– Вы так и не сказали об алиби? – напомнила я, желая узнать все поточнее.

Курдов усмехнулся и ответил:

– Раз вы настаиваете, скажу: я был с женщиной в тот момент. Тогда мы с ней еще встречались, но с тех пор почти и не виделись. А теперь у меня другая любимая девушка.

– Но та женщина, с которой вы были в день убийства Виктории Мясниковой, она все подтвердила в милиции? – не подумав, уточнила я, отчего Курдов мгновенно напрягся и подозрительно посмотрел на меня. Затем как-то странно дернул плечами и произнес:

– Естественно, а разве должно быть не так?

– Нет, так, конечно. Просто... – я немного растерялась, затем заставила себя собраться с мыслями и, улыбнувшись, продолжила: – Как вы понимаете, мы, журналисты, вынуждены расспрашивать обо всем, что может заинтересовать нашего читателя. Не обижайтесь, если вопрос покажется вам немного некорректным. Кстати, готовую статью перед выходом в свет мы вам непременно покажем.

– Это радует, – немного расслабился Курдов.

– Так вы говорите, что тогда жили с другой девушкой, – поторопилась вернуться я к насущной теме. – А почему вы расстались? Она показалась вам недостаточно хорошей заменой матери для вашей дочери?

– Да нет, это совсем ни при чем, – усмехнулся Курдов. – Тогда я еще не знал, что решу забрать к себе дочь. Мы расстались просто потому, что не сошлись характерами, но я ничего не имею против Лили, она неплохой человек.

– Так ее зовут Лиля? – сразу же уточнила я.

– Да, Лилия Елизаровна, – ответил Курдов. – Красивое сочетание, не правда ли? Мне ее имя сразу понравилось, я люблю все звучное.

– А фамилия у нее такая же красивая, как и имя, или нет? – спросила я.

– Да нет, фамилия у нее абсолютно простая, – вроде бы ничего не заподозрив, ответил Курдов. – Семеновская.

– Ну почему же простая... Вон как прекрасно звучит, – произнесла в ответ я, – Семеновская Лилия Елизаровна.

– Это верно, тоже звучит, – согласился со мной Александр, с минуту помолчал и спросил: – Вас еще что-нибудь интересует?

– Пожалуй, – немного подумав, ответила я и, посмотрев прямо в глаза мужчине, заговорила, стараясь быть насколько возможно убедительной: – Как правило, собирая материал о ком-то для статьи, мы беседуем не только с самим будущим героем, но и с его друзьями, окружением, так сказать, чтобы составить наиболее правильное общее впечатление о нем. Согласитесь, что вы сами не станете себя расхваливать, тогда как это очень даже удобно сделать вашим знакомым. Вот поэтому нам бы хотелось получить от вас пару адресов таких людей. В том числе и вашей бывшей подруги, если, конечно, вы нам доверяете.

– Естественно, доверяю, мне бояться нечего, – улыбнулся Курдов, после чего достал из ящика стоящего рядом столика ручку, лист бумаги и стал что-то писать.

Мы с Виктором молча ждали, когда он с этим покончит, затем я попросила своего коллегу сделать фотографию Курдова, якобы для той же самой статьи, а на самом деле для удобства расследования, и стала прощаться с Александром Владимировичем.

– Очень жаль, что вашей дочери не оказалось дома, – сказала я уже на пороге. – Все-таки нам бы очень хотелось побеседовать еще и с ней, но я думаю, что мы еще к вам заглянем.

– Непременно заходите, – расплылся в улыбке Курдов. – Только предварительно звоните, а то можете никого не застать дома. Номер своего телефона я написал вам на том же листе.

– Да, я заметила, – откликнулась я и вышла за порог.

Виктор последовал за мной, и вскоре мы уже выходили из дома. Сев в салон машины, я призадумалась: ехать сейчас в редакцию или прямо отсюда направиться на поиски бывшей любовницы Курдова. Если повременить, то он запросто может ее предупредить о том, что нужно, а что не нужно говорить ей, общаясь с нами, а нам бы было выгоднее, чтобы этого не случилось. Так что, немного поразмыслив, я все-таки решила направиться к самой Лилии. Тем более что время у нас в запасе было – Кряжимский и Ромка все равно могли еще не вернуться в редакцию, так как передвигались на общественном транспорте.

Поняв, что я что-то задумала, Виктор вопросительно посмотрел на меня, как бы спрашивая, что делать дальше. Я вздохнула и произнесла:

– Давай на Фамитовку, заедем в гости к Семеновской.

Виктор согласно кивнул, мол, все понял, и, молча заведя машину, направил ее в сторону нужной улицы. Довольно быстро добравшись до необходимого нам дома, мы оставили «Ладу» недалеко от подъезда и направились в дом. Там нашли квартиру любовницы Курдова, и я позвонила в дверь. В первые несколько минут нам никто не спешил открывать, и я стала от расстройства прислушиваться – прекрасно ведь знала, что в такое время дома вполне может никого и не быть. Но тут совершенно неожиданно дверь распахнулась, от чего я едва не упала, поскольку до того облокачивалась одной рукой на ручку, и мы увидели старушку с морщинистым лицом.

– Вы к кому? – шепеляво спросила она.

– К Семеновским, – улыбнувшись поприятливее, ответила я. – Мы из газеты, хотели бы задать Лилии Елизаровне пару вопросов. Она дома?

– Опять опрос какой-нибудь? – деловито спросила старушка, видимо, не расслышав то, что я сказала.

– Что-то вроде этого, – согласилась я, решив больше не объяснять ничего, а просто выведать, где сейчас девушка.

– Ну входите, – проворчала бабулька, отстраняясь, давая нам возможность войти.

Мы прошли в квартиру и стали снимать обувь.

– Чай будете? – продвигаясь в глубь квартиры, громко спросила нас бабушка.

– Нет, мы ненадолго, – проходя в зал и присаживаясь в кресло, ответила я. – Мы только хотели узнать, где сейчас Лилия, и поговорить с ней. Вы нам не поможете?

– Поговорить со мной хотите? – опять ничего не расслышав, завздохала старушка. – Я люблю поговорить, многое могу рассказать. О жизни своей, о том, как мы после войны жили, как голодали, как детьми вынуждены были работать... Да, жизнь-то у меня была большая, я много чего повидала.

– Это замечательно, – улыбнувшись, произнесла я и еще раз повторила свой вопрос, но на этот раз еще громче, чем в первый. Теперь бабушка услышала, что я от нее хочу, и, улыбнувшись, произнесла:

– Ах, так вам внучка моя нужна! Вы ее подружка, да? А я вас за других совсем приняла, старая галоша. Я ведь не слышу почти, так что вы громче говорите. А Лилия сейчас в магазин пошла, вот-вот должна вернуться.

– Можно мы ее подождем? – во весь голос спросила я, склонившись к уху бабульки.

– Да ждите, конечно, мне не жалко, – откликнулась та и, медленно поднявшись, поплелась в другую комнату, оставив нас с Виктором совершенно одних.

Впрочем, мы ничуть не скучали, рассматривая жилище Семеновских. А посмотреть тут было на что! Не знаю уж, кто из членов семьи был таким одаренным, но почти все стены в зале были украшены вырезанными по дереву панно, плоскими деревянными масками, резными полками и иными красивыми вещами. И даже на столе, в невысокой вазе, стояли три деревянные розочки, выточенные из каких-то веточек, – такие ни на одном заводском станке не сделаешь!

Пока мы любовались необычными произведениями искусства, скрипнула дверь и в квартиру кто-то вошел. Я мгновенно собралась, решив, что это вернулась Лиля. И это в самом деле оказалась она, так как бабушка очень громко сообщила ей, что пришли друзья. Что-то ответив старушке, девушка вошла в зал и недоуменно застыла на пороге, естественно, не увидев среди нас никого из своих знакомых.

– А вы к кому? – грубовато спросила девица.

Она была невысокой, с ладной фигуркой и окрашенными в ярко-рыжий цвет короткими волосами, густо намазанными гелем и поэтому торчащими пучками в разные стороны. В целом такую молодежную прическу можно было бы назвать «стриженое солнышко», хотя девушке она очень даже шла и делала ее еще моложе, чем она была на самом деле. Глубоко посаженные глаза, маленькие губки, такой же носик, ровный овал лица и слегка торчащие в стороны ушки делали ее весьма очаровательной особой. Одета бывшая любовница Курдова была по-спортивному: светлые брюки с декоративным шнуром на поясе и маечка на тонких бретельках.

– Мы к вам, – бегло окинув взглядом девушку, сказала я. – Если вы, конечно, и есть Лилия Семеновская.

– Да, это я. Но вас я не знаю и никогда не видела, – поспешила заметить девица.

– Это мы знаем, – улыбнулась я. – Но вы пока не дали нам возможности представиться.

– Ну так представляйтесь, я слушаю, – без лишней скромности, даже еще более грубо, чем вначале, буркнула Семеновская и деловито сложила руки на груди.

Я улыбнулась и сообщила не только как нас зовут, но также кто мы такие и зачем ее беспокоим. Выслушав меня, девица прошла в комнату и, плюхнувшись в мягкое кресло, произнесла:

– Не пойму, а вам-то это все зачем надо? Ну ладно менты ко мне приходили, расспрашивали все про то убийство и про алиби Александра, но вам-то что с того? Кажется, дело давно признали висяковым и Курдова оставили в покое.

– Не совсем, – тихо вздохнув, ответила я. – Я и мои коллеги теперь начали расследование заново по просьбе матери убитой. У нас ведь не обычная газета, а со своими собственными правилами, одно из них и позволяет оказывать платную помощь гражданам в расследовании тех или иных происшествий в их жизни.

– Так, значит, вы как частные детективы действуете? Только детективы по совместительству, – все поняла Лилия.

– В общем-то, да, – кивком подтвердила я и спросила: – Ну так как, вы согласны нам помочь?

– Нет, – спокойно ответила девица и хитро улыбнулась. – У меня ведь, в отличие от вас, никакого стимула к разговорчивости нет. Вы не милиция, права допрашивать меня не имеете, так что... – Семеновская вскинула руки вверх и развела их в стороны, намекая на то, что наш разговор на этом закончен.

– Хорошо, – не желая сдаваться, решительно произнесла я, – тогда давайте мы вам заплатим. Это будет являться стимулом?

– Смотря сколько заплатите, – удовлетворенно расплылась в улыбке девица. – Меньше чем за пятьсот рублей базар вести не буду.

– Ладно, мы дадим вам эти пятьсот рублей, – понимая, что иного способа выяснить правду и уточнить, было ли алиби у Курдова ложным или правдивым, у нас пока нет и, возможно, не будет. Приходилось принимать условия собеседницы. – Только расскажите нам про своего бывшего парня, Александра Владимировича Курдова, – попросила я и, пристально посмотрев на Лилию, добавила: – Что вы о нем знаете, какой он на самом деле человек, есть ли у него слабости? В общем, расскажите все, что вы о нем знаете. Ну а главный вопрос – об алиби. Действительно ли в день убийства он был с вами или же это ложь?

– Прежде деньги, – все еще не желая ничего говорить, произнесла Семеновская и выжидающе посмотрела на нас обоих.

Мне пришлось раскошелиться и достать из кошелька припасенные на всякий случай пятьсот рублей. Протянув деньги наглой девице, я снова напомнила ей о своем вопросе и приготовилась слушать. Удовлетворенная легким заработком, Лилия преспокойно бросила деньги на стоящую рядом тумбочку, как будто они для нее были такой мелочью, что даже смешно их прятать, и, закинув ногу на ногу, сказала:

– Лады, я вам расскажу все. Но не из-за денег, а из-за того, чтобы насолить этому гаду, который меня бросил сразу же, как только его дела пошли в гору. Я, видите ли, слишком много денег требовала. Урод!

«Ну спасибо, сделала одолжение, – зло прошипела я про себя. – Зачем, спрашивается, тогда плату требовала, раз все равно зуб на него имеешь? Вот народ пошел, палец о палец за просто так не ударят. Все торгуются, даже если им самим выгодно рассказывать, а не молчать. Тьфу, противно смотреть».

– Честно скажу, что алиби его – полная липа, – не отвлекаясь ни на что лишнее, сообщила девица. – Ни в каком ресторане я с ним не была и вообще до того дня трое суток его не видела. А потом он прилетел весь в мыле, нервный какой-то и стал умолять, чтобы я всем сказала, что он эти дни у меня был. Я тогда ничего такого не заподозрила, а когда менты про убийство проводали, испугалась: вдруг и в самом деле он свою жену убил. Сразу пришла мысль, что, если не сделаю, как он просил, со мной может произойти то же самое, так что лучше выполнить его просьбу. Впрочем, я совсем недолго думала, ведь еще любила тогда этого подонка. А когда он ко мне спустя два дня пришел, я спросила, виновен ли он. Однако Саша заверил меня, что не виновен, а просто подстраховался, так как знал, что его будут подозревать. Сказал, что в тот день дома был, футбол смотрел, и подтвердить это никто не может. Правда это или нет, я не знаю.

– Значит, вы даже понятия не имели, где он был, а просто исполнили его просьбу, потому что любили? – выслушав короткий рассказ девушки, уточнила я. – Ну да, соврала я милиции, – совсем не стыдясь содеянного, подтвердила свои слова девушка.

Я посмотрела ей в глаза и спросила:

– А почему потом, когда он ушел, вы не пошли в милицию и не рассказали правду? Сами же только что упомянули, что злитесь на него за его поступок.

– Да, злюсь. Мало кому понравится, что его кидают, да еще вешают все свои долги, – согласилась с моими словами Лилия. – Только знаете, у меня с милицией не очень ладно дела обстоят, и мне там светиться никак нельзя. А потом, позже, когда Шурик сообщил мне о своем уходе, я попыталась на него надавить этим ложным алиби, но он напомнил мне о том, что когда-то тоже вытащил меня из-за решетки, куда я попала за хранение наркотиков. Он тогда по каким-то своим каналам меня отмазал, так что у меня перед ним должок маленький был. А так, соврав – представив Александру алиби, – я его вроде бы как прикрыла, долг заплатила.

– А сейчас, рассказывая это нам, вы не боитесь, что все вновь выплывает? То есть он, узнав о вашем предательстве, позаботится о возобновлении вашего дела? – поинтересовалась я, не совсем понимая, почему девица так спокойна.

– А вы попробуйте потом доказать, что я вам что-то говорила, – нахально улыбнувшись, ответила она. – Я скажу, например, что была пьяна. Или же что меня заставили все это сказать. И потом, не в ваших же интересах меня выдавать. Если докажете его вину, понадобятся свидетели, а о них вы должны позаботиться. Я права?

– А вы верно мыслите. – Только теперь я начала понимать, что девица на самом деле не так проста, как кажется. – И вы нам действительно еще можете понадобиться.

– Ну вот и отлично, – улыбнулась в ответ Семеновская. – Что-то еще интересует?

– Что рассказывал вам о своей дочери и бывшей жене Курдов? – не задумываясь, спросила я.

– Да ничего, – пожала плечами Лилия. – Он о них и не вспоминал до некоторых пор.

– До каких именно? – уточнила я.

– До того, как проблемы с деньгами начались. Шурик ведь игрок, он в обычном уличном автомате может столько денег просадить, что страшно становится, а потом ноет целый месяц, что за душой ни гроша. Его когда с последней работы уволили, он занимал почти у всех, кого только знал. Могу предположить, что и бывшая жена этой участи тоже не избежала. А что касается дочери, то о ней я только раз и слышала, да и то не от него, а в милиции. Честно сказать, меня прошлая жизнь моих мужчин совершенно не интересует.

«Интересная особа», – все больше удивляясь словам девушки, подумала я. Лилия Семеновская действительно выглядела как уверенная в себе женщина, спокойно относящаяся ко всему происходящему и умело извлекающая из всего выгоду. Такую нелегко провести.

Задав девушке еще несколько интересующих меня вопросов, я поблагодарила ее за помощь, записала ее домашний и сотовый телефоны и только после этого стала прощаться. Лилия проводила нас с Виктором до двери и даже пожелала нам удачи в расследовании. Мы спустились на первый этаж и заспешили к машине. Теперь нам нужно было поскорее вернуться в редакцию и расспросить у Сергея Ивановича и Ромки, что им удалось узнать, а затем, собравшись всем вместе, обсудить дальнейшие действия.

Поручив Виктору заботиться о нашем маршруте, я преспокойно уселась на соседнее с водительским сиденье и погрузилась в размышления, радуясь тому, что мне не нужно следить за дорогой.

«Итак, Лариса Евгеньевна, по всей видимости, была права, обвиняя в смерти своей дочери ее бывшего мужа, – думала я. – Во-первых, на момент убийства у него не было алиби. Во-вторых, он его себе просто сделал, подговорив свою девушку. Учитывая этот факт, легко понять: раз Курдов обманывал милицию, значит, ему было что скрывать, и значит, он очень даже может быть виновен в смерти своей бывшей жены. Если бы он был ни при чем, зачем бы ему было заботиться об алиби, да еще заблаговременно, задолго до того, как к девушке нагрянула милиция. Это указывает на то, что он либо знал об убийстве, либо сам был замешан – возможно, даже кого-то лично нанял, чтобы убрать с дороги мешавшую ему жену. Так что теперь необходимо искать улики, подтверждающие причастность этого типа к преступлению, ну а потом позаботиться о том, чтобы девочку вернули ее родственникам, более достойным быть опекунами».

Воспоминания о ребенке почему-то сразу навяли на меня грусть. Я понимала, что бедной девочке, не имеющей права голоса, во всей этой истории приходится сложнее и хуже всего. Ее просто делят между собой родные как какую-то вещь или игрушку. Родной отец о ней самой совершенно не думает. И главное – теперь только от нас зависит, каким будет будущее этого ребенка, а значит, мы должны постараться распутать клубок в интересах девочки.

Тяжело вздохнув, я посмотрела на дорогу и увидела, что мы уже подъезжаем к зданию редакции. Виктор притормозил машину под самыми окнами. Не успела я еще даже захлопнуть дверцу автомобиля, как на улицу выскочил Ромка и сообщил, что они с Сергеем Ивановичем уже устали нас ждать.

– Тебе полезно научиться ждать, – осадила я и тут же спросила: – Маринка на месте?

– Нет, не видели пока. Наверное, опять к своему возлюбленному удрала, – хихикнул Ромка. – Развлекаются.

– Это еще что за приколы? – с укором посмотрев на Романа, произнесла я. – Где твое уважение к коллегам, к женщине? Можно ведь просто сказать, что Марина отсутствует. В твоих комментариях никто не нуждается.

– Подумаешь... – надулся Ромка, но тут же повеселел и спросил: – Ну что, собирать всех на аналитическое собрание?

– Ага, собирай, – засмеялась я, услышав из уст Ромки такой умный термин. Интересно, где это он успел его подхватить? Не у Широковой ли случайно?

Немного расслабившись от общения с нашим курьером, я уже в более приподнятом настроении поднялась наверх и поприветствовала Кряжимского. Сергей Иванович, занятый приготовлением кофе на всех, по причине отсутствия на рабочем месте нашей секретарши, слегка кивнул мне и поинтересовался:

– Удачно съездили?

– Думаю, что вполне, – ответила я, падая в кресло Маринки. – Нам удалось узнать, что на самом деле алиби у Курдова на день убийства липовое, он просто подговорил свою любовницу прикрыть его. Полагаю, одного этого уже вполне достаточно, чтобы начать его подозревать.

– Согласен, – кивнул в ответ Кряжимский.

Затем он разлил горячий кофе по чашкам и сел рядом, собираясь начать рассказ обо всем том, что удалось выяснить ему. И тут как раз подоспели Ромка с Виктором.

– Мы пообщались с парочкой бывших дружков этого типа, – тщательно выговаривая слова, заговорил Кряжимский. – Так вот, удалось узнать много интересного. Во-первых, Курдов всегда был человеком запойным – если вдруг ему и улыбалась удача и он зарабатывал большие деньги, все они быстро уходило на спиртное. Ребята говорят, что пил Александр по-черному, совершенно не умел останавливаться. Если уж выпил рюмку, считай, недельный запой обеспечен. В пьяном состоянии он становился агрессивным, часто лез в драки, избивал жену. Были случаи, когда доставалось и дочери. Слава богу, что с девочкой ничего серьезного не случилось. Во-вторых...

– У него сейчас проблемы в бизнесе, – резко встрял Ромка, не желая оставаться в стороне и не получить свои лавры за добывание информации.

Кряжимского эта юношеская выходка совершенно не оскорбила, и он спокойно продолжил:

– Да, проблемы есть, и уже давно. При этом дружки Курдова утверждают, что в последнее время Александр в пьяном состоянии часто повторял, что ему нужно только немножко подождать и тогда все пойдет на поправку, а жизнь у него наступит такая, что он будет как сыр в масле кататься. Я подозреваю, если не сказать, почти уверен, что он имел в виду деньги и имущество бывшей жены и что он уже давно запланировал от нее избавиться. Для таких, как он, даже пятьдесят тысяч – деньги.

– Да, но о точной сумме он мог и не знать, – заметила я. – Вероятно, на момент убийства он считал, что денег у Виктории куда больше.

– Согласен, – поддержал мое предположение Сергей Иванович. – Такое вполне возможно.

– Ну что ж, из всего ставшего нам известным несложно сделать вывод: Курдов убил мать своей дочери, а затем позаботился о том, чтобы ему вернули девочку. Кстати, – я снова посмотрела на Кряжимского, – вы не узнавали ничего насчет Вики?

– Я звонил в социальные службы, у меня там один знакомый есть, – начал объяснять Кряжимский. – Он заверил меня, что все сделано по закону, и девочку после гибели матери отдали отцу, так как ее бабушка и дедушка вышли из того возраста, когда можно усыновлять детей.

– Но ведь Курдова, кажется, лишали родительских прав, – напомнила я.

– В том-то и дело, что не лишали, – отрицательно покачал головой Кряжимский, после чего сделал маленький глоток кофе и добавил: – Старушка ошиблась. Ребенка только передали по суду матери, а у отца от социальных служб по защите детей было несколько предупреждений. По этой самой причине Курдову и пришлось собирать кое-какие справочки, что теперь у него все нормально в материальном плане, что психическое состояние его соответствует норме, впрочем, как и жилищные условия, в которых он собирается содержать ребенка. Так что все по закону.

Глава 3

Проведя у кофейного стола около получаса и проанализировав собранную информацию, мы наконец решили, что необходимо вновь встретиться с Курдовым и попытаться узнать у него, зачем он придумал себе алиби, а также следует выяснить через моего очень хорошего знакомого – майора Здоренко, что у милиции есть по этому делу. Первую часть работы решено было доверить Кряжимскому, а вторую – мне и Виктору по той единственной причине, что с Курдовым я сегодня уже беседовала. Мне ехать к нему повторно было бы как-то неловко, а Кряжимский может представиться, скажем, сотрудником социальной службы.

Приняв такое решение, мы стали собираться в дорогу. Я слегка подправила макияж и прическу, затем подождала Виктора, делавшего фото Курдова, и после этого мы с ним направились к выходу. По дороге я вспомнила, что обещала перезвонить сегодня Ларисе Евгеньевне и сообщить, продвигается ли наше дело. Возвращаться не хотелось, и я по привычке крикнула с порога:

– Мариночка, отзвонись, пожалуйста, Мясниковой и скажи, что все нормально, мы ее делом занимаемся.

Раздался дружный смех, а шустрый Ромка заметил:

– Ольга Юрьевна, вы что, на солнце перегрелись, что ли? Маринка еще в обед свалила.

– Ах да, черт, совсем из головы вылетело, – опомнилась я. Потом с минуту подумала и спросила у Ромки: – Ты случайно не знаешь, как позвонить тому типу, к которому, как ты выражаешься, свалила наша Широкова? Мне кажется, что, если ей не напомнить о работе, она о ней и не вспомнит.

– Нет, она ничего не говорила, – откликнулся Ромка.

– Ладно, вернемся, подумаем, что с ней делать, – на ходу бросила я и заспешила к машине.

До отдела майора Здоренко мы с Виктором долетели очень быстро, и вот я уже стою перед дверью в его кабинет. Сразу стучать я не стала, заранее зная, какой «радушный» прием меня ожидает – придется ведь отвлекать майора от работы, – а потому глупо торчала в коридоре и собиралась с мыслями, как лучше к нему «подъехать». И тут меня кто-то тихонько постучал по плечу. Вздвогнув, я резко обернулась и... увидела своего дорогого Здоренко.

– Да-с, дамочка, никогда не думал, что вы склонны к подобному! – снизу вверх глядя на меня, гаркнул своим громовым голосом майор. – Что вынюхиваете? Или на меня какой компромат собираете? Интересно было бы послушать.

– Да нет, что вы, майор! – широко улыбнулась я.

Не знаю почему, но я, так же как и остальные члены нашей немногочисленной редакции, буквально тряслась перед этим маленьким человечком. Вроде и не было в нем ничего страшного, да вот умел он в людей страх вселять, подавлять их одним взглядом. Даже меня, которая не первый день его знала, он каждый раз заставлял врасплох и попросту выводил из равновесия. Рядом с ним совершенно нельзя расслабиться, ведь в любой момент можешь забыть о цели своего визита от какой-нибудь фразы майора или от устремленного на тебя взгляда.

Сильно пожалев, что не взяла с собой Виктора, оставив его сидеть в машине – фотограф бы хоть немного забирал на себя тяжелую энергетику Здоренко, – я натянуто улыбнулась и произнесла:

– У меня к вам просьба. Не откажите в помощи, а?

– Так, Бойкова, колись, что ты уже накопила, да еще и без моего ведома? И не молчи, не молчи, не прикидывайся овечкой, знаю я тебя. Давай-ка выкладывай, что ты там со своей самостоятельностью накопила!

Здоренко решительно толкнул дверь в свой кабинет и первым прошел внутрь. Я осторожно последовала за ним, тихо проговорив:

– А я и не прикидываюсь. Только выкладывать нечего. Просто пока хочу кое-что проверить. Но если все сойдется, ну, то, что я подозреваю, – обещаю: обязательно и немедленно извещу вас. Так вы согласны помочь? – умело избежав объяснений, ответила я.

– Ну ты и наглая, Бойкова! – усмехнулся на мои слова майор Здоренко. – Хотя нет, не наглая, а упрямая и своевольная.

– Наверное, ваше влияние сказывается, – попыталась отшутиться я, а потом замолчала в ожидании ответа на интересующий меня вопрос.

– Чего нужно-то? – сдался майор. – Кого разыскать требуется, кого проверить?

– Да, в общем-то, ничего особого и не требуется, – неуверенно замялась я. – Просто дельце одно посмотреть хотела, без вас мне это вряд ли удастся.

– Ишь что удумала-то! – загоготал Здоренко. – Дело ей почитать захотелось! Тебе что, твоих писанин мало, так ты еще и на наши посягаешь? Тебе разве не известно, что такая информация не подлежит разглашению?

– Известно, конечно же, – вздохнула я. – Было бы это не так, я бы вас и не просила помочь. Но ведь мы с вами старые друзья, я с моими коллегами всегда сдаю своих преступников именно вам. Так разве вам тяжело сделать нам такое маленькое одолжение? – попыталась хоть таким шантажистским способом пробить Здоренко я.

– Значит, дельце посмотреть хотите... – пока еще ничего конкретного не отвечая, задумчиво протянул Здоренко. – Интересненько...

Я промолчала, боясь спугнуть удачу. Наконец Здоренко решился и произнес:

– Хорошо, согласен. Только, если что, сразу мне звоните и обо всем докладывайте!

– Обещаю, честное слово! – обрадовавшись, откликнулась я и улыбнулась.

– Чье дело-то надо? – недовольно нахмутив брови, спросил Здоренко.

– Дело об убийстве Виктории Мясниковой, – торопливо ответила я.

– Хорошо, сейчас принесу, – не глядя на меня, сказал Здоренко и вышел из кабинета.

Я с облегчением вздохнула и, пока Здоренко отсутствовал, начала осматривать его кабинет. Как ни странно, но, уже тысячу, наверное, раз побывав здесь, я до сих пор не имела возможности нормально и не спеша изучить обстановку на рабочем месте бравого майора. И вот теперь стала с интересом вертеть головой по сторонам. И снова не слишком преуспела в осмотре.

– Вот ваше дело! – тихо и незаметно войдя в кабинет, громко произнес майор. – Читайте!

От неожиданности я вздрогнула, чем немного позабавила Здоренко, отчего он пришел в замечательное расположение духа и перестал подкалывать меня. Так что читать дело об убийстве Мясниковой Виктории было просто и легко: никто над ухом не зудел, наставлений не давал. Быстро пробежав глазами бумаги, которые имелись в тонкой папке, принесенной майором, но так и не обнаружив в них ничего для себя нового, я вернула документы майору.

– Ну, что-нибудь нашла? – не замедлил спросить Здоренко.

– Пока нет, – честно призналась я. – Единственное, что я пока не знала, так это то, как выглядит потерпевшая, а все остальное для нас уже не секрет.

– Надо же! – сделал удивленное лицо Здоренко. – Это вы что же, так продуктивно работаете, что ли? Ха, ну прямо профессионалы! Кстати, а почему вы сегодня одна? Где же ваши веселые ребята?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.